

А. П. НЕПОКУПНЫЙ

ЛИТОВСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ ВОЛЫНИ И СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Украина представляет собой часть той общей территории, по которой прошли, постепенно затухая, волны лексического влияния литовского языка. Не будучи непосредственным соседом этнографической Литвы, Украина воспринимала эти волны отчасти уже в белорусском преломлении, разумеется, с некоторым опозданием и не в той полноте, как Белоруссия. Тем не менее в силу того, что письменные памятники языков создаются и потом сохраняются на больших территориях далеко не в шахматном порядке, кажущаяся разобщенность в пространстве, лингвистически не соизмерима с километрами, и нередко дальше от источника находим то, чего вовсе нет рядом. Сказанное можно отнести и к теме литовских заимствований в письменных памятниках Украины.

В предисловии к своей книге о литуанизмах в канцелярском языке Литвы К. Яблонскис отметил, что, собирая литовские слова в канцелярской письменности Литвы, он просмотрел, главным образом, документы XVI—XVII вв., значительно меньше — XVIII в., причем с территории украинских земель Великого княжества литовского — „совсем немного“¹. Знакомство с украинской частью книги литовского историка убеждает в том, что за исключением одного документа со Среднего Поднепровья (Черкассy), все памятники с территории Украины, в текстах которых К. Яблонскис обнаружил литовские слова, относятся к Волыни. Один из терминов датируется XV в. (*стирта*, 1480), остальные XVI: *дякло*, *клуня*, *рыкунья*, *свирен*, *ядова*. Так географически и хронологически можно охарактеризовать украинские материалы в книге К. Яблонскиса.

Сделанное указывает на то, что еще надлежит сделать. Очевидно, в поисках литуанизмов, прежде всего, следует расширить объем рассматриваемых украинских памятников как в территориальном, так и во временном измерениях.

¹ К. Jablonskis, *Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje*, I, Kaunas, 1941, VIII. (Далее: Jablonskis LŽ).

При этом необходимо подчеркнуть, что в связи с различием в исторических судьбах отдельных районов современной Украины прежде всего в составе Великого княжества Литовского, нам представляется более целесообразным в вопросе о литуанизмах в украинских памятниках подходить не ко всей Украине в целом, а к отдельным ее территориям в перспективе одного или нескольких столетий. В данном случае речь пойдет о литуанизмах в письменных памятниках с территории Волыни и Среднего Поднепровья.

1.0. ВОЛЫНЬ

Известно, что Волынь раньше попала под власть литовских князей (1340), чем Киевщина (1362), и удельный вес обеих частей Украины в жизни Великого княжества литовского был далеко не одинаков. Если во времена княжения Витовта (1392–1430) Волынское удельное княжество было преобразовано в провинцию Литовского государства, и Луцк „стал второй столицей Литвы (после Вильно)“², то „о Киевщине XIV в., – по выражению М. Грушевского, – нам известно до отчаяния мало“³.

Вот почему уже *a priori* можно ожидать, что поиски литуанизмов в письменных памятниках Волыни должны быть более результативными, чем в документах, составленных на Киевщине и Среднем Приднепровье вообще.

К этому необходимо добавить и такой немаловажный фактор объективного выявления языковых особенностей (с точки зрения исследователя – потребителя их) как общее количество письменных памятников в тот или иной период, особенно деловых, в которые прежде всего пробивались разговорные элементы. И в этом отношении Волынь также имеет преимущество перед Поднепровьем, поскольку официальное введение в делопроизводство украинских городов так называемых актов книг распространялось с запада на восток: в Галиции – с 1435 г., на Правобережье – с 1529 г. и на Левобережье – с 1566 г.⁴

Все это нужно иметь в виду, приступая к изучению литовских заимствований в письменных памятниках с территории Волыни.

² См. Історія міст і сіл Української РСР. Волинська область, Київ, 1970, 54.

³ М. Грушевський, Історія України–Руси, IV, Київ–Львів, 1907, 73.

⁴ См. М. А. Жовтобрюх, Давні традиції в новій українській літературі, – Мовознавство 1970 2 32.

1.1. XIV–XVI ст.

Среди украинских заимствований в древнепольском Ст. Урбаньчик выделил разряд лексики, характеризующий физиографию территории⁵. В составе древней волынской лексики следует обратить внимание на два термина, которые также относятся к названной семантической группе. Главным же является то, что обе лексемы можно поставить в более или менее прямую связь с литовским языком.

Копище(копища).

В ревизии Луцкого замка 1545 г. встречается форма *kopiszcz*, вар. *okopyszcz* как синоним к терминам *pohrebiszcz*, *kładowiszcz*: „...żałowali nam żydowe mesta luckioho oboich zborow, karaimowe y rabinowe, na kniazia Matfeia Czetwertenskocho o pohrebiszcz swoi...iż dey on...hroby ich roskopywaiet... y onyi kopiszcz, y domy, y kletky ich im oczyszczal... y tam z nimi hranicu pokol im okopyszcz meti... y ono kładowiszcz żydom zaboroniaty...“⁶

Термин *копище* в этом же значении встречается еще под 1388 и 1389 годами: 1) — Тежъ, естли бы хрестьянинъ копища ихъ казилъ, або кгвалтомъ находилъ: хочемо, ижъ бы, подлугъ обычая нашео земли, правъ нашихъ, былъ каранъ; а вси имѣнья его мають на насъ спасти (Жалованная грамота вел. кн. Александра-Витовта литовским евреям 1388 р.)⁷; 2) „До того копища ихъ, гдѣ змерлыхъ своихъ ховають, подле пляцовъ жydовскихъ над Городницею... Съ которого того копища так теперешнего, яко и на потомъ набытыхъ пляцовъ“ (Привилегия Великого литовского князя Витовта гродненским евреям 18 июня 1389 г.)⁸.

Во всех трех документах — 1388, 1389, и 1545 годов — лексема *копище* (*копища*) обозначает еврейское кладбище. Более того, среди заимствований из украинского в древнепольский отмечено и *okopisko* „cmentarz żydowski“⁹.

⁵ St. Urbańczyk, Charakterystyka staropolskich zapożyczeń wyrazowych z języka ukraińskiego (1963), — Szkice z dziejów języka polskiego, Warszawa, 1968, 301.

⁶ Źródła dziejowe, VI, Warszawa, 1877, 71.

⁷ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, I, СПб, 1893, 1281.

⁸ М. М. Пещак, Грамоти XIV ст., № 49, Київ (в печати).

⁹ St. Urbańczyk, Указ. соч., 301. В этом же значении „еврейское кладбище“ термин *копище* (*kopiszcz*) упоминается в относящемся к территории Литвы акте 1639 г., включенном в документ 1751 г.: „...żydom simnienskim w mieście naszym Simnie... kopiszcz pro sepultura ciał miec pozwoliwszy...“ (Lietuvos valstiečių ir miestelėnų ginčai su dvarų valdytojais, II, XVIII amž., Vilnius, 1961, 122–123). Отметим, кстати, что в этом же значении термин *око-*

Возникает вопрос о связи *копища*(*копищ*) с лит. *kāpas* „могила“, *kapai* „кладбище“. Лит. *kāpas* связано в первую очередь с глаголом *kōpti* „сгребать“ и только во вторую с лит. *kapót* „рубить“, слав. *копать*¹⁰. В связи с этим в ревизии Луцкого замка 1545 г. для нас очень важен термин *pohrebiszcz* как синоним к *kopiszcz*. *Pohrebiszcz* являются как бы буквальным переводом лит. *kop(iszcza)* и тем самым поддерживают мысль о том, что *копища* — литуанизм.

Рячвы(рачвы).

В документах, относящихся к землям в окрестностях с. Свинюхи (ныне Приветное, Локачинского р-на, Волынской обл.) трижды встречается этот интересный географический термин:

1) „...говорилъ и тымъ земляномъ, абы в дуброву Свинюскую не ездили и не пустошили лововъ, и в топылехъ звериньныхъ по волнину стад и черед не поили, и новинъ с пол старыхъ не причинивали; а што проробили новины по рачвам и под волнинъ, тымъ бы дали покой. Ино, господару, княз Михайло одказалъ: ...А тые, господару, земляне вси тоежъ отъказали и тыхъ всихъ новинъ коло рачов, коло воина отреклися“ („Псан у Луцьку“, 1475—1483, — АЮЗР 8 IV 21. Письмо старосты Луцкого Ивана Ходкевича королю Казимиру об охране Свинюской королевской пуши).

2) „...и велелъ имъ тое именье Свинухи... ограничити по тымъ местцомъ и вьрочищомъ, покуля тое именье... деръжалъ... через Воинин по ловы Луцкого повету — по Городецкие, и по Линевьские и по Бубьновьские поля, через рячвы по Витиньские, и по Туличовьские, по Скварецькие, старые поля, по Мытяшов...“ („Псан у Володимери“, 1511—1531, — АЮЗР 8 IV 225. Подтверждение пану Михайлу Васильевичу, писарю господарскому, ограничения имения его Свинусского через старосту Володимерского князя Андрея Санькгушковича).

Из приведенных контекстов следует, что значение термина *рячвы(рачвы)* можно определить также, как западноукшайтское слово *rētis*, -*čio*: „залежь, целина, непашь, луговина, нива, покинутая без обработки“¹¹. Ср. *рячвам*

писько или *окопище* был отмечен в украинских подольских говорах писателем А. Свидницким (См. Й. О. Дзендзелівський, Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі, Київ, 1969, 139).

¹⁰ E. Fraenkel, Litauisches etymologisches Wörterbuch, I, Heidelberg-Göttingen, 1962, 217.

¹¹ См. Dabartinės lietuvių kalbos žodynas, Vilnius, 1954, 670; B. Sereiskis, Lietuviškai-rusiškas žodynas, Kaunas, 1933, 790.

(*рачвам*) в примерах противопоставляются *новины* и *через рячвы(рачвы)* же проходит граница¹².

Из двух вариантов слова основным следует считать *рячвы*. Ср. *рабчий* вм. *рябчий* на той же территории: „... з гнезда ястребего и з гнезда рабчого повинъни дати по одной птасе от гнезда, естли хто найдетъ“ (Книга гродская Луцкая 1578 г., Пам. III 93.)

По нашему мнению, волынское *ряч(вы)* и следует выводить из лит. *reš-* как основы косвенных падежей от *rētis* в указанном выше значении. Как известно, лит. *rēt(as)* противопоставлено слав. *ред(кий)* — в обоих случаях „редкий“¹³ и *r(ě)* как рефлекс *t(t)*, а не *d(d)* является достаточно характерной чертой этого литуанизма. К вокализму заимствования ср. в памятниках *бярло* наряду с *берло* из *bėralas* (*Jablonskis LŽ* 4).

1.2. XVI ст.

Бакишта. В описании Кременецкого замка 1545 г. встречается военный термин *бакишта* „бастион“, который противопоставлен веже „башне“, что, кстати сказать, заслуживает внимания в связи с тем, что в современном украинском языке это синонимы. „*Za tym mostom horodnia welikaia na baksztie stoit... Tuiiu horodniu powiedili, iż kniaź Biskup zarobiti welik... dei prostym obyczaiem była roblena na wezi. A kniaź Biskup bolszuiu robotu wczynił, i na baksztie postawił*“ (Пам. IV 203–204).

Этот полонизм выделяется тем, что он попал в описания ряда замков того времени (1545 — Браслав, Житомир, 1552 — Житомир, Мозырь, 1560 — Мозырь) не в обычной форме *baszta* (ср. соврем. укр. *башта*), а, так сказать, с литовским штампом, а именно с эпентетическим *-k-*, т. е. при несомненном литовском посредничестве.

Ср. также в описании замка в Дисне (ныне Витебской обл. Белоруссии): „...сторожу свою въ мѣстѣ и на бакштахъ мѣвати“¹⁴. Употребление формы *бакишта*, хотя и на краткое время появившейся в украинских памятниках, является принципиально важным: выразительный случай литовского посредничества говорит о том, что литовское влияние было достаточно сильным, так что оно смогло принести на Украину не только литуанизмы, но, видимо, и ряд слов другого происхождения.

¹² Ср. в связи с этим упоминание около 1458 г. о *волоке* при определении границ „тулинской земли“ — А. П. Непокупный, Географические термины и топонимы Украинского Полесья и балтийские (иранские) названия рельефа, — *Baltistica* VI (1970) 11–12.

¹³ E. Fraenkel, Указ. соч., 16.

¹⁴ См. А. С. Грушевский, Города В. Княжества литовского в XIV–XVI вв., Киев, 1918, 201.

Вятер. Раньше, чем в материалах К. Яблонскиса (1582, *венътеры*, 262), на Волыни встречается литуанизм *вятер*: „рыбъ... вятерми... ловити не мают“ (1553, Свищев — ныне Млиновского р-на Ровенской обл., — АЮЗР 8 VI 30—31). Однако имеется косвенное свидетельство об употреблении этого слова в украинском языке и раньше. Так, в венгерских памятниках, писанных на латинском языке, под 1506 г. отмечена запись: „*cum retibus zak et veter vocativus*“, в которой слово *veter*, по мнению И. Книежи, заимствовано из укр. *vjater*, что, в свою очередь, заимствовано из литовского¹⁵. Украинский язык оказался посредником и при заимствовании этого литовского слова и в молдавский язык: *eteră*¹⁶, а также в румынский, где, кроме *éteră* (область Молдавия в СРР), известен и термин *vințir* из укр. *вентир*¹⁷ как фонетического варианта *вятера*(*ятера*).

Dziakielny: „*żitha dziakielnego miar 141/2*“ (1598 г., Инвентарь Полонского имения — ныне Луцкий р-н., Волынской обл., — Пам. III, 104). В сборнике К. Яблонскиса приведено пять случаев употребления термина *дякло* в памятниках Волыни между 1516 и 1525 гг. Производное прилагательное является некоторым дополнением к общей хронологии бытования этого термина на данной территории — для такого историзма, как *дякло* интересно было бы установить верхнюю хронологическую границу его употребления.

Клуня. На Волыни мы встречаем раньше, чем в украинских материалах К. Яблонскиса (1590 г.) употребление литуанизма *клуня* (*klūonas* „гумно, рига“):

1) „Попел смалцованый, который есть у гумнѣ, у клуни, у бочках“... (1566 — Забороль, ныне Луцкого р-на, Волынской обл., — Пам. III 72);

2) „Тут же за загородою клуня и гумно“... (1578 — Поворск, ныне Ковельского р-на, Волынской обл., — Пам. III 89) и др.

Если учесть, что старейший из примеров *клуни* у К. Яблонскиса датируется 1503 г., то и такое (1590→1566) отодвижение хронологической границы слова *клуня* на Украине может иметь значение для построения общей исторической географии данного литуанизма на территориях к югу от этнографической Литвы.

Кунпи (*кумпи*). В реестре имения Рыканы в Луцком уезде в одном тексте дважды записана форма *кунпи*: 1) „сал две; кунпев пят; колбас три“; 2) „линков и карасковъ двесте, кунпей две“ (1571, — АЮЗР 8 VI 350—

¹⁵ I. Kniezsa, *A magyar nyelv szláv jövevényszavai*. Budapest, 1955, 555.

¹⁶ М. В. Сергиевский, *Молдаво-славянские этюды*, Москва, 1959, 73.

¹⁷ С. В. Семчинський, *Лексичні запозичення з російської та української мов у румунській мові*, Київ, 1958, 83, 110.

351). Этот древнейший из известных нам в украинских памятниках примеров употребления литуанизма *kum̃pis* „окорок“, видимо, свидетельствует о том, что при заимствовании была создана форма *pluralia tantum*. Ср. в современном говоре с. Волкоставец, Каменецкого р-на, Брестской обл.: *кўн'ни* „стегна в кабана (як розбирають кабана)“¹⁸. Вариант *кумни* более близкий и к литовскому прототипу встречается под 1598 г.: „*кумней* двадцать шесть“ (Луцк, — АЮЗР 8 VI 350).

Свирен. В описании Кременецкого замка, цитату из которого приводит К. Яблонскис (219), читаем: „Замокъ Кремьянецкий мурованыи. — Свирен воротныи верхъ повлоки вроблен“... (1552, — АЮЗР 7 II 23). Любопытно, что в ревизии Луцкого замка, произведенной в том же, 1552 г., встречается аналогичный контекст: „*Zamok sam mурowany weś. Naурerwey weża worotnaja*...“ (АЮЗР 7 I 153). Здесь на месте *свирна воротного* находится *вежа воротная*. Трудно сказать, что стало причиной такой замены: архитектура (различие в наблюдаемом) или же лингвистика (различие между наблюдателями)? В тексте люстрации нет апеллятива *свирен*. Однако среди мещан Луцка в том же описании назван *Нрыско Swyren* (АЮЗР 7 I 176). Этот факт позволяет предполагать, что ко времени фиксации данного термина в тексте описания Кременецкого замка на Волини уже существовала определенная традиция употребления этого литуанизма (*sviřnas* „клеть“, амбар“)

2.0. Среднее Поднепровье

В свое время М. Владимирский-Буданов отмечал, что направление заселения Южной Руси в XVI в. было с севера на юг, причем переселенцы шли, главным образом, из Белоруссии, в частности Полесья, основываясь сначала в северных полесских частях Киевщины¹⁹.

Говоря в историческом аспекте о языке Киевщины, Л. А. Булаховский отметил, что к коренному древнекиевскому населению, помимо инноплеменных восточных славян, преимущественно белорусов, „этнически должна быть учтена еще примесь... из других народностей — литовцев (подчеркнуто нами — А.Н.), молдаван, монголо-татар и др. Народности неславянские, конечно, по общим законам языкового контакта языков различного типа, могли оставить в составе украинского языка на Киевщине следы сво-

¹⁸ Сообщила Т. В. Назарова (Киев).

¹⁹ М. Владимирский-Буданов, Население Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской унии (1569 г.), — Архив Юго-Западной России, 7 II, Киев, 1890, 172—173.

его влияния только в очень ограниченной сфере — в лексике некоторых бытовых понятий²⁰.

К этому следует прибавить, что „распространителями“ литуанизмов на Киевщине и, по-видимому, в других районах Украины были не только (возможно, и не столько) сами литовцы, но (соответственно — сколько) „литвины“, как в некоторых местностях Полесья называют белорусов. Учитывая современную общность украинских литуанизмов с белорусскими, следует предполагать значительное посредничество белорусского языка при заимствовании литуанизмов в истории украинского языка.

2.1. XV ст.

Шашок. В Жалованной грамоте 1459 г. киевского князя Семена Олельковича своему слуге обращает на себя внимание имя последнего: „...мы дей, змиловавшись над слугою нашимъ, урожонимъ Єремиєю *Шашкомъ*...“²¹ Исходной формой имени, названного в тексте только один раз, очевидно, следует считать *Шашок* из лит. *šėškas* „хорек“ (*Putorius L.*). По-видимому, этот антропоним является древнейшим свидетельством употребления литовского апеллятива — ср. старейший пример с территории Литвы у К. Яблонскиса датируется тремя столетиями позже 1755 г.: „...*wisielnikiem szeszkim, chłopem nazywał*... (Jablonskis LŽ 355). Ср. бытование в Белоруссии апеллятива и антропонима: *шашок* — *Шашок*²².

В украинском фольклоре, в частности, в исторических песнях также отмечено слово *шашóк*, род. *шашка*²³.

2.2. XVI ст.

Употребление литуанизмов в описаниях оборонительных замков следует объяснить не только как отражение языка лексики местного населения, отредактированной ревизорами по ходу записи, но и как свидетельство языка пришлых строителей замков. Там, М. Владимирский-Буданов писал: „Направление колонизации с севера на юг, вниз по течению Днепра, не только

²⁰ Л. А. Булаховський, Питання походження української мови, Київ, 1956, 121.

²¹ См. А. Крымский, Украинская грамматика, I, вып. 2 и 6. С приложением текста 43 грамот XIV—XV вв., Москва, 1908, 544.

²² М. В. Бірыла, Беларуска антрапанімія. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі, Мінск, 1969, 472.

²³ Б. Д. Гринченко, Словарь украинского языка, IV, Киев, 1909, 488. Однако, исходя из семантики литовского термина и того же значения „хорек“ при заимствовании литуанизма в белорусский язык, следует выразить сомнение в том, является ли правильным в словаре Б. Д. Гринченка объяснение *шашка* как „породы собак“ (?)

определялось географическими условиями, но отчасти указывалось и некоторыми правительственными мерами; именно, постройка замков в южных безлесных степях (Киевского, Каневского, Черкасского) возлагалась на так наз. „добродеревцев“, т. е. жителей лесной полосы верхнего и среднего Днепра²⁴. Так, например, для укрепления Каневского замка было прислано добродеревцев „вышей полторы тысячи“²⁵, а для работ в Мозырском замке „дойлиды“ приглашались сообща городом и волостью — за условное вознаграждение²⁶.

В описаниях 1552 г. поднепровских замков (АЮЗР 7 I II) — сверху вниз по течению Днепра — Чернобыльского, Киевского, Каневского и Черкасского можно выделить такие литуанизмы: *ковшик* (Чернобыль), *склют*, *стырѣта* (Киев), *примны*, *свирен* (Канев), *кови* (Черкасы), т. е. *кови(ик)*, *примны*, *свирен*, *склют*, *стырѣта*. За исключением крайних членов этого ряда (*кови* и *стырѣта*), приведенные слова относятся к строительной терминологии. Однако, если от *склюта* можно перебросить мост к современному полесскому *шклюдю* „специальный топор для обтесывания колод“, а *свирен* стоит в связи с синхронным *свирном* в Кременце (см. выше), а также в Житомире и Мозыре, не говоря уже о более раннем употреблении этого заимствования в Черкассах (1539), то *примны* в описании Каневского замка под 1552 г. („избы чорны с примны“) является совершенно изолированным литуанизмом (лит. *priem(e)nė* „сени“). По-видимому появление формы *примны* в тексте ревизии следует связывать с появлением в Каневе значительного числа тех верхнеднепровских „добродеревцев“, о которых речь уже шла выше. Учитывая как исторические свидетельства, так и то, что рассматриваемый литуанизм, помимо белорусских говоров зафиксирован также в ряде памятников с территории Белоруссии (в частности, на Минщине под 1582 г., *Jablonskis LŽ* 188), можно с большой степенью уверенности говорить о белорусском посредничестве в факте появления этой лексемы в памятнике украинского языка.

Таким образом, часть литуанизмов в середине XVI в. входила в состав профессиональной (строительной) лексики жителей Среднего Поднепровья

Остальные литовские слова из описаний поднепровских замков — *кови* и *стырѣта* — в территориальном смысле оказались чрезвычайно экспансивными. *Кови* (из лит. *káušas*) через украинское посредничество затем попал

²⁴ М. Владимирский-Буданов, Указ. соч., 176—177.

²⁵ А. С. Грушевский, Повинности городской работы в Великом княжестве литовском, Петроград, 1914, 7—8.

²⁶ Там же, 9—10.

в польский и молдавский языки. Так, в „Актовой книге Житомирского городского суда“ за 1649–1650 гг. отмечено: *Ci zwysz pomienionę ossoby w miescie Owruckim, we dworze protestującego u komory kłodkę odbiwszy, wzięli kowsz* (л. 40)²⁷. Среди тех восточнославянских элементов молдавского языка, „которые по звуковому ряду могут быть признаны более ранним по времени своего усвоения“, М. В. Сергиевский назвал и *săuș* „ковш“ (молдавское и трансильванское)²⁸. Современ. молдавск. *kăuș* „то же“.

Другой литуанизм *стырѣта* через украинское посредничество проник в памятники польского языка, и *sterta* впоследствии „сделала карьеру в литературном языке“²⁹.

2.3. Киев XVIII ст.

Берло. В „Наказе“ управляющим именьями Выдубицкого монастыря /Киев/, составленном не позже середины XVIII в. дважды упомянут термин *берло*: „Когда ячмень молотить даешъ... Потомъ солому слегка граблями снять, берло зъ короткою соломою, которая въ немъ осталася, погребать разпростерши и добре вибитъ. Солому же короткую чисто вигребши и еще знову разпростерши, берло оное поворочуючи, виколосовать ости отъ зерна; то будетъ чистый и свѣтлый ячмень“³⁰.

Значимость лингвистических фактов в данном случае обратно пропорциональна их частотности: ср. с территории Белоруссии в текстах К. Яблонска насчитывается только два примера (на польском языке): Полоцкое воеводство (1652) и Гродненский уезд (1787) — *berło* (LŻ 3–4) из лит. *bėralas* „зерно, не очищенное от мякины“.

Дирсованый. „Ежели жито або инша пашня стоколосовата, дирсована, зѣлловата; то ея одною ручною лопатою два раза провѣявши, достаточно матемешъ чистою“ (Из „Наказа“ управляющим именьями Выдубицкого монастыря середины XVIII ст.)³¹.

Такая же форма (*żyta dyrswanego*) один раз представлена и в текстах К. Яблонска (1715) против нескольких случаев употребления более обыч-

²⁷ В. М. Русанівський, Польська ділова мова XVI–XVII ст. як джерело вивчення її історичних взаємин з українською, — Славістичний збірник, Київ, 1963, 92.

²⁸ М. В. Сергиевский, Указ. соч., 71. В перечне заимствований в основном приведены слова с пометой „с XVIII в.“.

²⁹ St. Urbańczyk, Указ. соч., 301–302.

³⁰ Два документа о хозяйстве киевских монастырей в половине XVIII ст., — Киевская старина, август, 1883, Киев, 731–732.

³¹ Там же, 732.

ного варианта на — *owaty*, кстати все примеры из текстов на польском языке, написанных на территории Литвы (Jablonskis LŽ 65).

В основе — лит. *diršė /dirsa* (*Bromus L.*). Форма *дирсована* в приведенном документе стоит в окружении синонимов, что уточняет ее значение: ср. „кирза, або стоколос“ в современных украинских говорах Ровенщины.

Жлукто. Пожар, уничтоживший в 1769 г. в одном из домов Киева этот предмет домашнего обихода, сохранил зато его название: „рѣзанка и жлукто 40 к(оп)“ (ИмК III 68). Свидетельство, несомненно, сравнительно позднее. Однако, и в материалах К. Яблонскиса подавляющее большинство примеров употребления этого термина также относится к XVIII в. (LŽ 269–270, 351).

Скирд. В 1744 г. киевский мещанин Иван Александренко подает челобитную, в которой между прочим написано: „сѣна 30 скирдовъ“ (ИмК у 187). Ср. „Великого Государя зборного сѣна два скирда...“ (Описание г. Недригайлова, 1690–1708 гг.)³².

Таким образом, в Киеве в первой половине XVIII в. и на территории Сумщины (Недригайлов — ныне районный центр Сумской обл.) известны случаи употребления слова *скирд* (мужск. рода).

В памятниках с территории Украины этот термин³ хорошо известен в форме женского рода — ср. пример из более ранних фиксаций: *стырѣта* в описании Киевского замка 1552 г. Кстати, этот вариант является единственным и в текстах, которые извлек К. Яблонскис из памятников канцелярского языка Литвы.

В данном случае обращает на себя внимание мужской род рассматриваемого термина. Показательно, что в диалектологическом атласе белорусского языка (карта № 288) при всеобщности формы на *-а* (*скірда*, *сцїрта* и под.) мужской вариант термина зафиксирован лишь в трех пунктах Гродненской, Минской и Гомельской областей³³. Также в „Атласе украинского языка, I, Полесье, Среднее Поднепровье и смежные земли“ *скирд* как более редкий вариант отмечен только в трех пунктах Житомирской, Черниговской и Черкасской областей³⁴.

Очевидно, что ни украинские, ни белорусские говоры не дают опоры для объяснения в памятниках „мужского начала“ *скирды/скирда*.

³² Д. И. Багалея, Заметки и материалы по истории слободской Украины, Харьков, 1893, 123.

³³ См. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы, даведачныя матэрыялы і каментарыі да карт, Мінск, 1963, 881–882.

³⁴ См. Архив Атлас украинского языка, карта № 105. Сохраняется в Институте языковедения им. А. А. Потебни АН УССР (Киев).

В отличие от этого „Источники XVII–XVIII вв. в южновеликорусской области регистрируют только *скирд*... современные данные в этих местах фиксируют также *скирд*“³⁵. Ср. место и время записи примеров со *скирдом*: Орел – 1669, Курск – 1707, Елец – 1715, Белгород – 1732³⁶.

Таким образом, можно считать, что вариант *скирд* в Киеве, а также на Сумщине в первой половине XVIII в. появился под влиянием русского языка, возможно, даже точнее – вследствие воздействия его южных говоров. Заимствование литуанизма через русское посредничество тем более интересно, что в случае с другим вариантом этой лексемы – *стирта* украинский язык уже сам выступил в роли посредника (см. выше).

Шула. Наиболее старой из известных нам фиксаций этого литуанизма на территории Украины, видимо, следует считать антропоним *Шулка* под 1634 г.: *Грицко Шулка* – в списке членов кузнечного цеха в Нежине³⁷. Среди жителей с. Черночичи (ныне Чернотичи, Сосницкого р-на, Черниговской обл.) у 1666 г. записаны: *Ондрюшко Шульный, Исачко Шульный и Васка Шульный*³⁸.

В „свободном“ употреблении этот апеллятив встречается в делах о киевских пожарах 60-х годов XVIII в.:

1) „...подложено у Василья Грущенка под шулу изъ улицы от Днепра по правую сторону пукъ зажженныхъ трепиць“ (1766) (ИмК VII 81);

2) „...шуль три лежачихъ, в томъ числѣ смоловыхъ двѣ, дубова одна“ (1769) (ИмК VII 69);

3) „...на огорожу... и покришку келіи на шули девять дубовъ“ (1769) ИмК VII 71).

Возвращаясь к „добродеревцам“, строившим поднепровские замки (см. выше), необходимо напомнить высказывание К. Буги о том, что „белорусское *шуло* (польское *шуло*) является одним из нередких литуанизмов плотничьего дела“, который „соседям литовцев белоруссам, а через них и полякам с украинцами... мог принести наш славный *dailidė*“ (дойлид)³⁹. Историческая связь между добродеревцами и дойлидами несомненна.

³⁵ С. И. Котков, Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков, Москва, 1970, 40–41.

³⁶ Там же, 41. Попутно отметим, что и в памятнике разговорного русского языка начала XVII в. также записана мужская форма: *ски* <р> *д* (Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov, 1607, II, Copenhagen, 1970, 44).

³⁷ А. Ершов, Ніжинські цехи в першій половині XVII в., – Чернігів і північне Лівобережжя, Київ, 1928, 316.

³⁸ Переписні книги 1666 року, Київ, 1933, 417–418.

³⁹ К. Būga, Rinktiniai raštai, II, Vilnius, 1959, 622, 317.

Янтарь. К употреблению названия этой классически балтийской реалии на Украине имеется материал в документах о поисках янтаря на территории Киево-Межигорского монастыря в 1738 г. Например: „съ 9 до 12 число по 35 человек на день при работѣ имѣлось и скопано земли длиннику 12, поперечнику и в глубину по 3 сажени, а янтаря сыскано только одинъ кусокъ“ (ИМК VI 51).

3. Некоторые выводы.

Древнейшие литовские заимствования в памятниках с территории Украины прослеживаются с середины XV ст. Это относится к апеллятивам, а также к антропонимам как наиболее массовой ономастической категории. По семантике эти апеллятивы принадлежат к физиографической терминологии (*копище, рячвы*). Территорией их употребления является Волынь — форпост литовских завоеваний на Украине.

XVI столетие приносит основной состав украинских литуанизмов. Наиболее широкой сферой их употребления является архитектура и строительство: *бакшта, клуня, примны, свирен, склют* и др. Кроме того, можно выделить термины сельского хозяйства (*стырѣта*), рыболовства (*вятер*), названия продуктов питания (*кумпи/кунпи*), домашней утвари (*кови*) и т. д. К области общественных отношений относится употребление литуанизмов *дякло (dziakelny)* и *рыкунья*.

В киевских актах XVIII ст. находим пополнение основных групп литовской терминологии — строительства (*шула*), сельского хозяйства (*берло, дырсаваный*), быта (*жлукто, янтарь*).

География литуанизмов в украинских памятниках имеет как внутренний, так и внешний аспекты. Например, при сопоставлении Волыни и Среднего Поднепровья обнаруживается различие не только в составе заимствований, но и в формах отдельных из них (*стырѣта* и *скирд*). Во внешнеукраинском плане важно то, что в ряде случаев украинский язык выступил как посредник при заимствовании литуанизмов (*вятер, кови, стырѣта*) в другие языки — польский, венгерский, молдавский, румынский.

Сокращения

АЮЗР — Архив Юго-Западной России, Киев: часть 7, I (1886), II (1890); часть 8, IV (1907), VI (1911).

ИМК — Исторические материалы из Киевского губернского правления, Киев, вып. V—VII, 1883—1884.

Пам. в. — Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов, Киев, IV, 1859.

Пам. — Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов, Киев, III, 1898.

LITAUISCHE WÖRTER IN ÄLTEREN UKRAINISCHEN SCHRIFTLICHEN QUELLEN (WOLYNIEN UND MITTELE DNEPR-BECKEN)

Zusammenfassung

Der Einfluß des Litauischen auf die in den Grenzen des Groß — fürstentums Litauens liegenden slawischen Sprachen war nicht gering, und sowohl für an den litauischen Sprachraum grenzende belorussische Sprache als auch für das Ukrainische sind die Lehnwörter aus dem Litauischen von Bedeutung.

Zeitlicher Beginn einer Gruppe von Entlehnungen (*копище, рячвы*) sind die 14.—15. Jahrhunderte. Sehr wahrscheinlich ist *копище* aus *kapai* „Friedhof“, das im Litauischen vorliegt. Es besteht kaum Zweifel, daß die wolynischen Vorkommen von *рячвы (рачвы)* aus lit. (westaukscht.) *rētis*, gen. *rėčio* „ungepflühtes, vernachlässigtes Ackerstück“ stammen.

Im 16.—18. Jh. gelangten litauische Wörter in die ukrainische Schriftsprache sind: *bakszta, берло, дырсованый, dziakielny, янтарь, клуня, ковш(ик), кумпи (кунпи,) примны, рькунья, свирен, склют, стьрта|скирд шула, вятер, жлукто* u. a. Meistens diese Wörter sind aus dem Sammlungen von K. Jablonskis (*Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje*, Kaunas, 1941) bekannten.

Die Anzahl litauischer Wörter über das Ukrainische in die Polnische, Ungarische, Moldauische und Rumänische gelangte.